

Цикл лекций Абдуллиной Л. И. «Абаеведение в XXI веке»

Абдуллина Л.И.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА ЛИРИКИ АБАЯ: ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ КАЗАХОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕСТВЕ

Новая информационная среда выдвинула в литературоведческой науке первых десятилетий XXI века коммуникативно-прагматические подходы к изучению художественного текста на стыке нескольких наук с очевидным акцентом на возможности диалоговых стратегий. Исследование коммуникативной природы лирического произведения, на наш взгляд, наиболее адекватно воспроизводит мироощущение кочевника. Талант импровизации, издревле присущий казахскому народу, передает особое отношение к поэтическому слову, культура которого была очень высока в степи. Исполнитель-акын каждый раз в определенной аудитории вносит новые штрихи и смысловые акценты в свой текст, устанавливая обратную связь.

Формат айтыса – песенного состязания акынов – строится на сопереживании акына и слушателей с помощью музыкального сопровождения и восприимчивости лирического слога. Можно без преувеличения сказать, что в айтысе зафиксирован характер творчества как процесса. Поэтическое бытие, воссозданное исполнителем айтыса, создает целостную картину мира со своеобразным экскурсом в прошлое, передавая связь прошлого и будущего через момент настоящего.

В настоящей работе исследуется филологическая природа понимания лирики национального поэта-акына Абая Кунанбаева. В качестве инструмента в постижении текстовой содержательности привлечены приемы герменевтики, понимаемой как “любовь к смыслу”. Расширенная трактовка художественного текста предполагает, что предмет филологии не слова, а смыслы – основа текстового сообщения, то, что достойно стать причиной размышления, исследования и, возможно, дискуссии: “Пусты без мысли слова...”. [1, 64]. Абай пришел к заключению, что “знание – истинный клад” [1, 63], через тернистый путь, нарушив предписанные каноны и ценности его круга: “Я там с собою принял бой/ Своею волей и судьбой” [1, 176].

Выходец из потомственной аристократической семьи, Абай получил всестороннее (в границах возможностей той эпохи!) образование: домашнее, традиционное для статуса его семьи обучение у муллы, продолженное в медресе имама Ахмед-Ризы, дополнилось в раннем детстве – приобщением к устному творчеству народа (от матери и бабушки), а позднее – к знаниям, полученным в русской школе.

К имени, данному отцом – “Ибрагим”, – материнской любовью было “добавлено: “Абай”, что означало: “осмотрительный, вдумчивый”. Впоследствии это определило его жизненную позицию: в ранних поэтических опытах начинающий поэт “вдумчиво” стремится проникнуть в загадочную жизнь мысли человека и определить свое место в мироздании, “осмотрительно” взвешивая все существующие варианты.

Внимательно наблюдая жизнь, Абай замечает, что на протяжении жизни казаха сопровождает песня: “Сколько есть обрядов: беташар, жар-жар – /Разве мы без песен обойдемся тут?/Родился младенец — пир, шильдехана,/И ночами песня звонкая слышна...”. И он подводит итог: “В песне мудрость предков нам сохранена./Двери в мир открыла песня для тебя”. [1, 25]. И отныне “песня-друг” становится своего рода трибуной и, одновременно, “диалоговой площадкой” для его разговора с современниками и потомками. Поэт-гражданин болеет за судьбу народа, и благодаря поэзии хочет сделать его просвещенным и для этого избирает путь Поэта. Уверенный в силе поэтического слова – “поэзия — властитель языка” [1, 22], – Абай “В шесть строк... вложил всего сердца пыл”. [1, 52].

Прежде чем найти прямой путь к читателю, поэт признает: “Многоликий, гибкий язык,/Ты в устах народа велик!” [1, 29]. Но при этом отмечает, что “казах молится Аллаху на одном языке, детей отчитывает на другом языке, вечерами исторические дастаны и хикая исполняет на третьем языке”. Мы разделяем точку зрения отечественного исследователя А.С. Исмаковой, что “новые эстетические требования поэта” не могли удовлетворить “витиевато-торжественный стиль казахских толгау и меткие, но обрамленные эпитетами (по закону жанра) диалоги акынов”. Анализируя оригинальный текст, ученый демонстрирует, что Абай в своем творчестве “не только приблизил эти языки, но и сократил дистанцию между ними”. [2, 72].

Интонация разговорной речи, обороты и обращения непосредственно к читателю придают новое качество поэтической мысли: она приобретает объемность и дополняет достоверности создаваемому художественному миру. Поэт отходит от прямых наставлений, отказывается от назидательно-дидактических деклараций и с помощью “простой речи”, которая состоит из “скупых слов”, передает собственный жизненный опыт — рассказывает “жизнь горемычную свою” [1, 188].

Будущий поэт начал с изучения самого себя, чтобы определить, чему же он хочет посвятить свою жизнь. Для этого он вступает в честный монолог-диалог с самим собой: “Бестолково учась, я жизнь прозевал, Спыхватился, да поздно. Вот он привал! Полузнайка, я мнил себя мудрецом И заносчиво ждал наград и похвал” [1, 75]. Абай вопрошает, сомневается: “Что ты ищешь, моя душа? /Молви правду хотя бы раз/Ты тревожишь меня, спеша/Потолкуем с глазу на глаз” [1, С. 145]. Скрупулезно стремясь к точному слову, поэт обращается к “простой речи”, правдивый разговор “с глазу на глаз” — вот что ищет душа поэта: “Я человек! И я живу надеждой, /Своей судьбы от мира не тая” [1, 174].

В результате на жизненном “бездорожье” только самопознание — “Я знаний искал...” [1, 34] — гарантировало поэту свободу выбора: “Сам хозяин ты судьбы своей...” [1, 86].

Абай глубоко осознавал социальное значение своих “песен”: “Не для забавы я слагаю стих...” [1, 122]. Мастерски обращался он со словом — “Сердца неистовство, жар ума,/А языка — ядовитее нет./1, 168] — как с острым оружием в борьбе со злом и невежеством: “...Тогда поэт, воспрянув мыслью снова /И понимая дел и слова связь /Усилием пророческого слова /Грехов вселенских обнажает грязь”. [1, 167].

И отныне не отступает от этой добровольно возложенной на себя миссии, вовлекая читателей в “просторный круг” своих стихов. [1, 123]. В форме доверительной беседы поэт ведет разговор со своим современником и — через поколения — с нами: “Прочти мои слова, обдумай их в тиши...”. [1, 96]. В отличие от откровенных назиданий казахских толгау лирика Абая немногословна, “слова скупые, верные”, отсутствие привычных красноречивых оборотов помогает автору сосредоточить внимание читателя на главном: “Как старый бий, пословиц не леплю, /не бормочу, на грош меняя душу” [1, С. 23].

Первый стих, под которым поэт поставил свое настоящее имя, Абай написал, когда ему исполнилось 40 лет (ранее он приписывал свои сочинения другу Джантасову Кокпаю). И это еще одно свидетельство серьезного отношения к своему поэтическому дару. В этом произведении — “Лето” — изображена жизнь кочевника в гармонии с природой: “Летом, когда тенисты деревья... Шумно раскидываются кочевья,/Так высока в степи трава,/Что спины коней видны едва./Вволю насытившись, кобылицы/Не в силах, кажется, пошевелиться; Женщины юрты ставят ловко./Видны уверенность и сноровка” [1, 20]. Созданная поэтом картина поражает не только выписанными деталями быта, но и передачей радости, которая переполняет сердце казаха в редкие минуты спокойного кочевья, когда накормлен скот и каждый занимается повседневными заботами.

Знание жизни, умение передать в слове, поэтической интонации миропонимание и мироощущение соплеменников дает поэту право на честный разговор. “Чтоб ни писал — то жизнь сама.../Как ни хулите — таков поэт!” [1, 168].

Поучения поэта воспринимаются как советы человека, который на примере собственной жизни раскрывает преимущества просвещения:

Будь разборчив в пути своем:
Если ты талантлив – гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись [1, 94].

Для толкования нравственных констант бытия поэт использует разнообразные вариации метафоры пути: путь познания, путь творчества, путь созидания, путь разрушения, путь спасения, путь греха и т.д.

Убегающий видит путь,
Догоняющий – вслед спешит.
Воля с разумом их ведут,
Справедливость – вот свет души. [1, 94].

Новое качество абэвская лирика обретает не только и не столько за счет образов, форм (сатира, лирика, откровения, пейзажная лирика, исповедь) сюжетов, идей из иных культур и традиций. Благодаря новаторской коммуникативной технике поэту удалось найти прямой путь к сердцу своего читателя: “От сердца к сердцу потечет” [1, 115]. Позиция читателя как участника диалога непосредственно с автором исключала посредника, приближала к пониманию смысла направленного к нему послания.

Свою судьбу в качестве примера Абай без утайки “рассказывает” читателю. Беседа, разговор, рассказ задают принципиально новую в отличие от традиционной траекторию авторской речи, гарантирующую обратную связь.

Он обращается, во-первых, ко всему народу: “О казахи мои, мой бедный народ! “Казахи, родные, — мой милый народ!”, “Народ великий мой, казах, ты видел беды”; “О, не упорствуй так, народ упрямый мой”, “Храни, народ мой, слова суть” [1, 160-161]. Разные определения к слову народ соответствуют содержанию следующего за обращением текста.

Даже если нет прямого обращения, сама фраза построена как обращение, например: “Пока не знаешь – молчи”. [1, 62]; “Моих речей пойми, подумав, смысл простой./Быть может, для себя в них пользу ты найдешь”. [1, 161]. Диалог с читателем-современником представлен формой единственного лица в значении широкой адресной аудитории: “Вникни в смысл, читатель, будь ты млад иль стар...” [1, 118]; “...Если в каждое слово вникнешь сперва” [1, 108].

Обращается поэт и к потомкам: “Путь я стлал для тебя, знай, потомок мой”. Непосредственно внутри поэтического текста объяснял и повторял суть своих лирических посланий: “Люди учат, поют мой стих, /Но он темен еще для них” [1, 58]. Поэтому он поясняет: “Я для тебя загадка, я и мой путь. /Путь я стлал для тебя, знай, потомок мой./Против тысяч сражался, — не обессудь”. [1, 178].

Особый, профессиональный диалог ведет Абай с коллегой по поэтическому цеху. Обращаясь к нему, как брату (в разных переводах: “песнопевец-брат”, “мой чуткий стихотворец-брат”), Абай формулирует традиционную тему “Роль поэта и назначение поэзии”: “Тебя молю, о песнопевец-брат,/Пускай слова пустые не прельстят/Твоей души. Что пользы в них тебе?/Твой дар исчезнет, не вернешь назад”. [1, 122]. Относиться к слову как “божьему дару”, понимать его не умом, но “брать всей душой” [1, 58], действовать “разумно и умело”. [1, 167].

Не только риторические фигуры — обращения, восклицания, вопросы — передают коммуникативную природу абаевской лирики: в своем послании к читателю поэт применяет разный интонационный рисунок: от призывающего к сочувствию – “Потомок, сжался надо мной” [1, 176] до иронически отстраненного: “...А то, что миру говорит поэт, –/Хулить и ненавидеть – ваше дело”. [1, 167].

Эстетическая модель авторского и читательского поведения, основанная Абаем Кунанбаевым, заключена в нескончаемом диалоге автора со своим читателем, в котором он видит в первую очередь друга: “Иди ко мне с открытым сердцем, друг. /1, 123].

Позиция собеседника-единомышленника стала основой новой словесной эстетики на родной почве и, одновременно, гарантировала ему роль действительно, “властителя дум”

своих современников. И этой поэтической традиции последовали лучшие представители казахской культуры – Ахмет Байтурсынов, Миржакип Дулатов, Жусипбек Аймауытов, Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Таир Жароков и многие другие.

От них логичен был переход к жанру словесных “размышлений” над “правдой слов”, к которому обратился Абай Кунанбаев на склоне лет. Уникальная форма “Ғаклия”, включающую 45 заповедей, кратких притч, философских трактатов отсылает читателя к поэтической форме. В этой прозаической поэме поднимаются проблемы национального воспитания и мировоззрения, морали и права, истории казахов. “Қара сөз” (в дословном переводе “Простое слово”).

В начале своей книги обращаясь к своему читателю, Абай “подсказывает”, как правильно оценить его, авторское, послание: “Прочтите эти строки без благодушия, и вы проникнитесь ко мне любовью”. [3, 5].

Афористические по форме, емкие по внутреннему смысловому объему, абаевские “Ғаклия” – эссе были составлены с таким расчетом, чтобы быстро доходили до ума и сердца читателя, не требуя много времени для чтения. По духу и интонации они не являются назиданиями, наставлениями, ибо Абай никогда не ставил себя над народом и поза поучающего наставника была для него неприемлема.

Название “Қара сөз”. Термин “қара” (черный) в сочетании с термином “сөз” (слово) чрезвычайно многозначен (букв.: черное слово, проза): это и обозначение прозы в отличие от рифмованной речи и текста, это и обозначение печали, и, наконец, обозначение, идущее от тюркской традиции, важного, значительного, первостепенного.

“Қара сөз” по жанру близки к тому, что в чингизовской традиции называлось “биликом”, метким изречением, рассказом о жизненном примере, имеющим значение образца.

В европейской традиции – жанр “максим”, “афоризмов”, “бесед”. “Қара сөз” – исповедь. Подчеркивает обращенность высказываний перед лицом мира и прежде всего своей собственной совестью, жанр, известный в мировой литературе со времен Марка Аврелия, Петра Абеляра, Блеза Паскаля и Жан-Жака Руссо.

Для тюркской литературы и казахской в особенности в силу преимущественно эпического характера, – но не только – “обнажение души”, обнаруженное в “Словах назидания” – явление беспрецедентное. Исповедь – чрезвычайно ответственный жанр, требует от писателя предельной честности и искренности: “Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь? ...Наконец решил: бумага и чернила станут отныне моим утешением, буду записывать свои мысли” [3, 7].

В ходе нашего исследования была установлена коммуникативная природа лирики Абая. Форма диалога, заложенная в структуре национального фольклора, творчески освоена с позиции авторской эстетики.

Как правило, новаторство и значение наследия Абая обнаруживается на уровне новых образов, жанровых форм (сатира, лирика, откровения, пейзажная лирика, исповедь), сюжетов, идей из иных культур и традиций позволили достоверно передать реальные картины жизни казахов, их миропонимание, тоска и скорбь, идеалы и стремления казахского народа.

Вместе с тем, как уже было показано выше, новое качество поэзии национального акына придает открытый им формат отношений автор-лирик – читатель. Признание данного факта позволяет рассматривать лирику Абая в межкультурном контексте нового времени.

На наш взгляд, специфика абаевской стилистики становится очевидной в сопоставлении с поэтикой жырау. По нашему мнению, диалог-размышление, как бы цементирует любой текст лирического послания. Честный и откровенный, сомневающийся и убеждающий, разговор автора с читателем в форме доверительной беседы формирует и воспитывает, призывает молодежь “с детства книги читать”, “учись не день и не час”.

Конечно, вызывает уважение профессиональное отношение поэта к слову и утверждение за поэзией функции “властителя языка”, ее социальной ответственности: “Стих

— узор словесный, стих — что кружева,/Пригнанные тесно, в нем поют слова./Если слово звучно, если мысль верна, —/Не отвергнуть песни, песня век жива!/Слово не взволнует сытого глупца./Видят мудрость только зрячие сердца”. [1, 25].

Специфика коммуникативной природы абаевской лирики, на наш взгляд, позволяет установить, с одной стороны, связь с народным творчеством и, в первую очередь, с приемами поэтической импровизации. По единодушному мнению исследователей-абаеведов, истоки поэзии акына следует искать в творчестве народных поэтов-песенников.

Вместе с тем, как отмечает большинство исследователей, на определенном этапе развития казахской словесности потребовалась художественная новая эстетика, способная ответить на запросы своего читателя. “Восьмистишия” — программное произведение: заключенного в них социального, философского обобщения, по художественному значению значительное для процесса поиска казахской поэзией новых художественных принципов. Абай обладал не только поэтической восприимчивостью, но и обостренной гражданской ответственностью. Свою социальную роль Поэта он соотносит с философскими константами бытия, проникая в загадочную жизнь мысли человека. Поэт пытается определить смысл бытия, свое место в мироздании,

Сопоставительный анализ переводов, а также обращение к подстрочникам и опора на итоги текстовой интерпретации оригинальных текстов в исследованиях А.С. Исмаковой дали основания сформулировать следующие результаты:

Во-первых, мы имеем дело с особой риторикой лирического текста, которая основывается на коммуникативной природе национального фольклора с установкой на слушателя.

Во-вторых, Абай придает своему диалогу в каждом конкретном произведении разные смысловые оттенки в соответствии с тем, кому обращен текст, благодаря чему избегает откровенно назидательной и поучительно-дидактической установки.

В-третьих, иллюстрация собственных сомнений и разочарований, ошибок и падений на выбранном пути дает поэту преимущество перед другими поэтами и делает его послание доходчивым и достоверным.

Таким образом, предпринятый нами научный подход — исследование коммуникативной природы лирики Абая, — обнаруживает перспективы в понимании эволюционного пути казахской словесности. Эстетическая установка наследия национального акына открывает своего рода “портал”, через который осуществляется трансляция культурных кодов казахов в международном сообществе.

Кредо поэта — слово как поступок и поступок словом — находит художественное выражение в риторике абаевского текста. Миссия первопроходца, осознаваемая поэтом, дает ему полномочия в просветительско-эстетической деятельности, в развитии умственной способности и творческой восприимчивости своего народа. Коммуникативная установка, как показывает текстовый анализ лирических произведений Абая, реализуется в доверительном разговоре автора с читателями — современниками и потомками.

Лирика Абая, основоположника новой казахской литературы и ее первого классика, открыта для европейского мира в контексте странового PR и позиционировании ключевых ценностей национальной идентичности. Философия творческих ориентиров в художественном мире Абая свидетельствует о потребности художника в межкультурном диалоге на современном этапе. Переосмысление уроков истории касается обостренного сознания художника чувства ответственности себя как личности и как творца:

...Доверенные совести слова

Слышны везде: и далеко, и близко.

И тем словам преграды в мире нет.

Он действует разумно и умело. [1, 167].

Имя гениального сына степи, великого поэта казахского народа, мыслителя, ученого, композитора Абая в наше время известно всему миру. Цивилизационный вклад поэта-гуманиста в призыве к миру во всем мире — “Люби все человечество” предопределил

включение казахской культуры в мир большой культуры классических цивилизаций и привитие свойственных последним духовных опытов к традиционной культуре казахов.

Его лирика переведена почти на все языки мира, и “время, и пространство одолев”, он продолжает диалог с поколением читателей 21 века...

Литература:

1. Абай. Стихи. Переводы русских поэтов. / Составители: Л.Степанова, Г. Бельгер. – Алматы, “Гылым”, 1995. – 207с.
2. Исмакова, А.С. Открытие эстетического треугольника “автор-герой-читатель” в “Факля” // А.С. Исмакова. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль. – Алматы: Наука, 1998. – 394 с.
3. Абай. Книга слов. Шакарим. Записки Забытого. Пер. с каз. К.Серикбаевой, Р.Сейсенбаева. – Алматы, 1993.
4. Теория текста: учеб. пособие / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В.Панченко, А.А. Чувакин. – М.: Флинта, Наука, 2010.
5. Быдина, И.В. Исследование поэтического текста в когнитивно-коммуникативном аспекте // Известия ВГПУ. Сер.: Филологические науки. – Волгоград. – 2005. – №3 (12).
6. Ли Э. В. Художественный текст в коммуникативном аспекте // Современное литературоведение: генезис и теоретические концепции: Матер. Междунар. научно-теоретической конф., 2018. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 150 с.
7. Левин, Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С.464-482.